

От редакции. *Уважаемые коллеги! В этом номере мы начинаем публикацию серии статей А. В. Соколова, посвящённую памяти профессора О. П. Коршунова (1926–2013). Серия состоит из четырёх статей, в которых последовательно рассмотрен вклад О. П. Коршунова в развитие отечественного библиографоведения.*

УДК 01

А. В. Соколов

**Парадигма О. П. Коршунова.
Статья первая.
Понятие библиографической парадигмы**

Серия из четырёх статей посвящена определению вклада профессора О. П. Коршунова в развитие отечественного библиографоведения.

Представлена динамика движения библиографоведческой мысли в последние десятилетия, систематизированы общетеоретические концепции, выдвинутые отечественными библиографоведами. В качестве методологического инструмента использован парадигмальный подход, основанный на понятии «библиографическая парадигма».

В первой статье раскрыта общенаучная трактовка понятий «парадигма», «отраслевая парадигма» и «библиографоведческая парадигма»; изложены взгляды В. А. Фокеева на классификацию библиографоведческих парадигм.

Ключевые слова: библиографоведение, библиографоведческая парадигма, О. П. Коршунов, В. А. Фокеев, документоцентристская концепция, интернетоцентристская концепция.

Цель серии из четырёх статей – раскрыть вклад **Олега Павловича Коршунова** (1926–2013) в развитие отечественного библиографоведения. И для этого нужно проследить динамику движения библиографоведческой мысли в последние десятилетия, систематизировать общетеоретические концепции, выдвинутые коллегами и учениками О. П. Коршунова, выявить актуальные проблемы библиографической науки. Для решения этих нетривиальных задач требуется методологический инструмент. В качестве него я намерен использовать парадигмальный подход, основанный на понятии *библиографическая парадигма*. Это понятие впервые фигурирует в библиографоведческой литературе, поэтому необходимо раскрыть содержание этого неологизма.

Понятие библиографоведческая парадигма. Нельзя сказать, что термин *парадигма* редко встречается в библиографоведческой литературе. Напротив, наши историки и теоретики, анализируя развитие библиографической мысли, появление новых концепций библиографии и т.п., охотно используют это древнегреческое слово. Правда, *парадигма* употребляется как общенаучный термин, аналогичный *теории* или *концепции*, а не как термин отраслевого языка.

Видимо, по этой причине в капитальном терминологическом словаре В. А. Фокеева по библиографоведению и информатике *парадигма* трактуется только в лингвистическом ключе как «полный набор (полная система) словоизменяемых форм одного и того же слова, образующий конкретную область знания» [1. С. 269].

Мы же понимаем *парадигму* как одну из характеристик исторически сложившегося *библиографического социального института (БСИ)*, который включает пять функционально-специализированных подсистем: практика – образование – наука – управление – отраслевая коммуникация. БСИ мыслится как *системное единство основополагающих смыслов (целей, знаний, методов), целенаправленно действующих профессионалов и соответствующих материально-технических средств.*

Наглядным проявлением системного единства БСИ является *общность языка* – отраслевой терминологии, которой пользуются, понимая друг друга, библиографы-практики, педагоги, учёные-библиографоведы, управленцы и журналисты.

Но общности языка недостаточно, нужна *общность смыслов*, которые понимаются, переживаются, используются всеми субъектами библиографической отрасли. Эта смысловая совокупность, представляющая собой словесно выраженное профессиональное самосознание, является *отраслевой парадигмой*. Источник адекватного выражения профессионального самосознания – отраслевая наука – *библиографоведение*.

Если обратиться к публикациям по философии и методологии науки, легко установить, что *парадигма* – одна из центральных категорий в научно-методологическом дискурсе. Более сорока лет тому назад её ввёл в научный оборот американский науковед Томас Кун (1922–1996), автор книги «Структура научных революций» (1972), где была обоснована идея развития научного знания не методом постепенного накопления фактов и концепций, как считалось ранее, а скачкообразно, путём смены научных парадигм.

По определению Т. Куна, *парадигма* (греч. *пример, образец*) – это «признанные научные достижения, которые в течение определённого времени дают модель постановки проблем и их решений научному сообществу» [2. С. 11].

Парадигма пользуется всеобщим признанием в некоторый период «нормальной науки», затем начинают проявляться свойственные ей ограничения, возникает кризисная ситуация, которая завершается *научной революцией* – становлением новой парадигмы (более подробно см.: [3. С. 90–107]).

Отталкиваясь от изложенных научно-методологических положений, примем следующее определение библиографоведческой парадигмы: ***Библиографоведческая парадигма*** – *выраженные отраслевыми терминами общепризнанные смыслы библиографического социального института в данный период времени*.

Структурными составляющими парадигмы являются смыслы трёх родов:

кредо профессии – ценности, цели и мифологические образы, направляющие деятельность субъектов БСИ независимо от их функциональной специализации;

теоретическое ядро, отражающее профессиональное библиографическое мировоззрение и включающее: а) идентифицирующий данную парадигму *концепт* (категорию) – «понятие, выражающее (и вместе с тем обозначающее) сущность какой-либо научной или философской теории» [4. С. 410]; б) научные понятия, обозначающие объект, предмет, принцип отграничения библиографических явлений; в) методологические подходы, используемые в исследовательском процессе;

технические средства и организационные решения, применяемые субъектами БСИ в практической деятельности.

Перечисленные парадигмальные составляющие служат ответами на главные вопросы научного познания: *зачем (почему) нужна библиография?* – см. кредо профессии; *что есть библиографическая наука?* – см. теоретическое ядро парадигмы; *какие факторы воздействуют на БСИ?* – см. техника и организация.

Общепринятые сегодня ответы на вопросы *зачем? что? как?* образуют содержание научной парадигмы (шире – профессионального библиографического сознания), а их изменения показывают динамику развития библиографоведческой мысли.

Мне не удалось обнаружить публикации, специально посвящённые парадигмальному подходу в методологии библиографоведения. Однако наши историки библиографии и библиографической науки, как правило, не используя термин *парадигма* в методологическом значении, фактически различали периоды господства различных парадигм, их последовательную смену и детально описывали эти явления. Можно сказать, что парадигмальный подход практикуется в нашем библиографоведении на интуитивном уровне. Впрочем, есть исключения.

Привлекает внимание новаторское выступление Валерия Александровича Фокеева. Ещё в 2010 г. он выдвинул идею о последовательной смене *библиографических парадигм*, соответствующих периодам эволюции библиографической практики и библиографической мысли и детерминирующих «методологические подходы, исследовательские методы, методы практической работы» в данный

исторический период [5. С. 152].

В. А. Фокеев различал три парадигмы:

научно-книговедческую, господствовавшую в XIX–начале XX в., которая представляла библиографию как «науку, особое самостоятельное или вспомогательное знание о книгах, выражающееся в их описании»;

вспомогательно-идеологическую (1920 – первая половина 1980-х гг.), в которой библиография рассматривалась как «область идейно-воспитательной и научно-вспомогательной деятельности, средство ценностной ориентации в книжном мире, руководство чтением, содействующее социальному управлению, удовлетворению контролируемых партийными и государственными органами читательских интересов и потребностей»;

информационно-деятельностную (середина 1970-х – начало XXI в.), утвердившуюся в результате научно-революционного переворота библиографической мысли и воспринимающую библиографию как «область информационной деятельности, основной общественной функцией которой является целенаправленная передача читателям информации о произведениях печати».

В настоящее время, как прогнозировал В. А. Фокеев, формируется *постнеклассическая парадигма*. Он хорошо уловил и зафиксировал ценностно-целевые и мировоззренческие особенности различных периодов в истории отечественной библиографической мысли, поэтому мы считаем Валерия Александровича первооткрывателем парадигмального подхода в библиографоведении.

Другой пример использования парадигмальной методологии – исследование Е. А. Плешкевича, посвящённое формированию и развитию документального подхода в библиотековедении и библиографоведении [6]. В этом исследовании рассматривается переход «от книговедческой к документальной, а впоследствии к информационной научным парадигмам, когда вместо понятия “книга” сначала в качестве обобщающего, а потом и сущностного начинает использоваться понятие “документ”» [7. С. 3].

Движение библиографоведческой мысли не является прямолинейным и логически корректным, напротив, оно непредсказуемо и противоречиво. На фоне социально-исторических катаклизмов происходит смена поколений библиографоведов и господствующих научных школ, конкурируют концепции библиографии, выдвинутые разными авторами, количество которых стремительно возрастает. Достоинство парадигмального подхода, концентрирующего внимание на аксиологических, теоретических, методологических достижениях научных школ и индивидуальных концепций, заключается в том, что он позволяет выявить изменения научной рациональности, практикуемой в тот или иной период времени.

В 1989 г. выдающийся отечественный философ-науковед академик Вячеслав Семёнович Стёпин высказал идею существования и смены в научном познании трёх типов рациональности: классической, неклассической и постнеклассической [8]. Он разграничил различные типы рациональности следующим образом.

Классическая рациональность достаточна для познания объектов, представляющих собой простые системы; неклассическая рациональность нужна для освоения сложных саморегулирующихся систем; постнеклассическая рациональность требуется при изучении сложных саморазвивающихся систем. Важной характеристикой научной рациональности являются ценностно-целевые установки, которыми руководствуется исследователь и которые соответствуют научной парадигме, принятой в данную эпоху.

Характеризуя классическую методологию, В. С. Стёпин отмечал: «На этапе классической науки доминировал идеал, согласно которому объяснение и описание должны включать только характеристики объекта. Отклонение от этих норм воспринималось как отказ от объективности знания... В качестве главных требований обоснования теории выдвигались два принципа: подтверждение теории опытом и очевидность (наглядность) её фундаментальных постулатов. Основным методом построения теории полагалось обобщение опытных фактов» [9. С. 187, 188].

Библиографы-практики и учёные-книжники XIX – первой половины XX в. (до 1980-х гг.) оперировали, согласно нормам историко-филологической методологии, эмпирически данными книжными фондами и

потоками, которые легко поддаются опытному изучению и не требуют абстрактного моделирования. Научное знание концентрировалось вокруг концепта *Книга*, поэтому парадигму классической библиографоведческой рациональности резонно именовать *книгоцентристской*.

Книгоцентристская парадигма охватывает научно-книговедческую и вспомогательно-идеологическую парадигмы, выделенные в периодизации В. А. Фокеева. В эмпиризме рациональности этого типа заключаются, с одной стороны, непреходящее практическое значение, с другой – теоретическая слабость, обусловившая наступление неклассической рациональности, культивирующей иные идеалы научного познания.

Особенности *неклассики* В. С. Стёпин раскрывает следующим образом: «В противоположность идеалу единственно истинной теории, укореняется норма, допускающая альтернативные теоретические описания одной и той же реальности, в каждом из которых может содержаться момент объективно-истинного знания» [9. С. 190]. Эту неклассическую норму охотно взяла на вооружение общая теория библиографоведения, которая насчитывает сейчас около десятка конкурирующих концепций библиографии [10].

Далее В. С. Стёпин отмечает принципиально новый, альтернативный классическому, способ построения теории, основанный на гипотетических предположениях и абстрактных моделях. Принцип обоснования теории опытом сохраняется как нормативное требование, но он уже не сводится к подтверждению предсказаний теории опытными фактами. Идеал совершенства теории заключается в возможности «на основе небольшого числа принципов объяснить расширяющийся массив разнородных явлений, связывая в единой системе теоретического описания и объяснения и такие области опыта, которые могли казаться несовместимыми до создания теории» [9. С. 191].

В библиографоведении неклассические воззрения, утвердившиеся в результате научно-революционного переворота библиографоведческой мысли в середине 1970-х гг., базировались на концепте *Документ*, что позволяет середину 1970-х – конец XX в. назвать *документоцентристской парадигмой*.

В. А. Фокеев и Е. А. Плешкевич, учитывая широкое использование в неклассическом библиографоведении методологии информационного подхода, именуют документоцентристскую парадигму «информационно-деятельностной».

Классическая рациональность никогда не оперировала информационными моделями и прочими информационными понятиями, которые заняли центральное место в неклассических концепциях библиографии. Что касается профессионального кредо, то обратим внимание на то, что в отличие от книгоцентристской парадигмы, акцентировавшей просветительские цели и ценности, документоцентристская парадигма отдаёт приоритет не цели, а средству и во главу угла ставит информационные технологии, которые на практике могут использоваться по-разному.

В XXI в. Интернет, дистанционный доступ к электронным информационным ресурсам, интерактивный диалог существенно преобразили библиографическую практику и бросили вызов библиографической теории. Всемирная сеть стала центральной магистралью, ведущей человечество в информационное общество.

Интеграционные тенденции библиографической и информационной деятельности позволяют констатировать наступление *интернетоцентристской* парадигмы в современном библиографоведении.

Итак, различные типы научной рациональности связаны с траекторией движения библиографоведческой мысли следующим образом:

- классическая рациональность – книгоцентристская парадигма, включающая просветительскую (научно-книговедческую) и советскую (вспомогательно-идеологическую) версии;
- неклассическая рациональность – документоцентристская и интернетоцентристская парадигмы, основанные на информационно-технологических методологиях;
- постнеклассическая рациональность – гипотетическая постбиблиографическая парадигма.

Олег Павлович Коршунов в своём научном творчестве не обращался к парадигмальному подходу, но именно он сыграл главную роль в становлении документоцентристской парадигмы и распространении неклассической рациональности в отечественном библиографоведении. В следующих статьях рассмотрим,

как это произошло.

Список источников

1. **Фокеев В. А.** Библиографоведение. Информатика : терминолог. слов. – Москва : Литера, 2009.
2. **Кун Т.** Структура научных революций. – Москва : АСТ, 2009.
3. **Ярошенко Н. Н.** История и методология социально-культурной деятельности. – Москва : МГУКИ, 2013.
4. **Лебедев С. А.** Философия науки: краткая энциклопедия (основные направления, концепции, категории). – Москва : Академический проект, 2008.
5. **Соколов А. В., Фокеев В. А.** Библиографоведение. Terraincognita. Диалог о библиографической науке : науч.-практ. пособие. – Москва : Литера, 2010.
6. **Плешкевич Е. А.** Документальный подход в библиотековедении и библиографоведении: этапы формирования и направления развития. – Москва : Пашков дом, 2012. – 308 с.
7. **Плешкевич Е. А.** Документальный подход в библиотековедении и библиографоведении: этапы формирования и направления развития : автореф. дисс. ... доктора пед. наук. Специальность 05.25.03. – Казань : КазГУКИ, 2012.
8. **Стёпин В. С.** Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различия // Постнеклассика: философия, наука, культура : коллектив. моногр. / отв. ред. Л. П. Киященко, В. С. Стёпин. – Санкт-Петербург : Мир, 2009. – С. 249–295.
9. **Стёпин В. С.** Исторические типы научной рациональности // Стёпин В. С. Цивилизация и культура. – Санкт-Петербург : СПбГУП, 2011. – С. 163–207.
10. **Соколов А. В.** Теория библиографии в лабиринте концепций // Мир библиографии. – 2009. – № 4. – С. 9–20.